

Игорь
Тригорьев

Зори да
Вёрсты

(П И Х И)

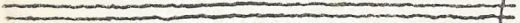
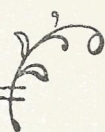
советский писатель

Москва . Ленинград . 1962

У

за впадает

в Шелонь

ВЕРЕТЕНЬКА

Есть на Порховщине
Речка Веретенька.
Зяблик на лещине
Там звенел и тенькал.

Крохотная пташка:
Перышки да кости,
Алая рубашка,
С прозеленью хвостик;

На ночь угнездится
Под листком ореха,
В горсти уместится,
А душе — утеха.

Так и Веретенька,
Светлая водица:
Узка, коротенька,
А не надивиться!

Заросла кугою
От ключа до края,
Выгнулась дугою,
Тихая такая! . .

Много рек я знаю,
Помню все походы:
Плавал по Дунаю,
Видел Вислы воды,

Объ меня вздымала,
Обошел всю Волгу,
На Неву, бывало,
Сматривал подолгу.

Но лишь эта речка,
В сажень шириною,
Стала мне навечно
Матерью родною.

* * *

Бывает так:
Июлем знойным
Уронит ясень
Жухлый лист —
И сразу станешь
Беспокойным,
И день уже
Не так лучист.

Весомей дымка,
Небо строже,
Темней,
Задумчивей камыш.
И ощутишь горячей кожей,
Как выстывает в чаще
Тишь.

Услышишь:
Чуткая осина

Бросает в дрожь
Лесной покой,
Крадется
Сумрачной низиной
Угрюмый ветер-листобой.

Увидишь:
Табунится птица,
Вода стеклянной,
Бор синей...
И вдруг
Тревога угнездится
В душе распахнутой твоей.

И ты поймешь:
Не шутит время,
Оно
Отживших стережет
И, как с листком,
Поступит с теми,
Кто на пути его
Встает.

НА ЛАДОГЕ

А. Прокофьеву

Ходит Ладогой вал,
Крутобок,
Белогрив,
Но рассвет запылал,
Холки грив
Озарив,
Обагрив краснотал,
Краснокрыл,
Сизо-ал.

Ветер,
Ты не грози,
Волны зря не гони:
На воде, как язи,
Заиграли огни,
Заревые огни —
Негасимы они!

Как бы ты ни крепчал,
Как бы ни был ты зол,
Все равно на причал
Люд рабочий пришел —
Земляки-рыбаки,
Не робки
И крепки.

Полно
Рвать и метать,
Полно катер кренить:
Нас тебе не унять,
Белый свет
Не затмить!
Высь чиста и ясна,
День огромен:
Весна!

Бьет у судна в груди
Новый крепкий мотор.
Скромен
Наш бригадир,
Да умен и хитер:
Походил в морях.
Руль
В надежных руках.

ХОРОШО ТИШАЙШИМ ПОЛДНЕМ...

В. Шошину

Хорошо
Тишайшим полднем,
В желтизне теряясь тучной,
Отзываться
Сердцем полным
На призыв земли беззвучный!
Слушать
Листьев небылицы
И загадки
Без отгадки,
Со своей тропой сродниться
Без сомненья,
Без оглядки!

ИЮНЬ

А. Паркаеву

В деревне сейчас
Полонила поляны
Такая большая трава!
На зорях
Гривастые бродят туманы
Да плещется синь-синева.

Бездонное небо
Звенит и ликует —
От крыш невысоких
До звезд,
И, годы суля мне,
Кукушка кукует,
И мир удивительно прост!

По-доброму слажен:
И точен, и прочен,
Всему свой и срок, и черед.

Здесь даже осиновый тын у обочин
Что может
От жизни берет.

Он корни к земле протянул,
Хоть и трудно:
Стоит,
Не умея тужить,
Растет,
Лопушится листвою изумрудной,
Спешит сколько можно
Пожить.

На нем восседая,
Петух горлопанит —
Куриного дома глава,
Шумит,
Как форсистый подвыпивший парень,
Которому все трын-трава! . .

И солнце зайдет —
Ни единой минуты
Зеленая ночь не молчит:
В высокой осоке
И рьяно,
И люто
Зовут дергачих
Дергачи.

Горопится в Ильмень,
Бежит с переката,
Смеясь и воркуя, Шелонь,
И снова припевки слагают девчата
И трогает сердце гармонь.

Весь ласковый мир,
До былинки понятный,
Поет,
Не давая заснуть.
И родина
Ширью своей необъятной,
Как воздух,
Вливается в грудь.

ИЮЛЬ

Т. Б.

Скошенные травы
Пахнут по-особому:
Грустью,
Безграничем полевым...
Тишь-прохладой схвачены,
Приумолкнем оба мы,
Два дыханья частых
Затаим.

А кругом
Потемки пенятся сугробами,
Сизая-пресизая
Ворочается глыбь,
Да всю ночь
Над милыми травными чашобами
Гукает и всхлипывает выпь.

ОМУТЫ

Ивану Шевцову

Молкнет,
Хоронится ночью
Живность дневная окрест.
Воплем
Совиным и волчьим
Полнится выстывший лес.

В заводи,
Черной, как деготь,
Грузно полощется сом.
Воду сгушенную трогать
Боязно мальцу веслом.

Яростно
В тонкое днище
Ломятся лапы коряг,

Мокрой глухой бородищей
Шапку
Сшибает бредняк.

В уши пугливую небыль
Шепчет сторожкий камыш.
Омут
От звездного неба
Только рукой отличишь.

Сердце толкается
Гулко,
Зябким жарком
Обдает,
Качкая дедова «тулка»
Часто осечки дает.

Рявкает ночь от дуплета...
Щелкнул
Взведенный курок...
Пусть не убыстришь
Рассвета —
Вспугивай тьму, паренек!

* * *

В сентябре чернолесье
Пунцовой костра,
Краснолесье
Чернью горит.
Наша серая местность
Пестрым-пестра
Аж до самой кромки зари!

Только желтое око
Раскроет восток —
Лес затеплится,
Тих и пригож.
И, скажи ты,
Каждый как есть листок
Своецветен,
С братьями несхож!

Освежает тебя
На каждом шагу

Холодок, что ядреный квас.
Тридцать верст отмахашь
В родном логу,
А в ногах —
На сорок запас!

ОКТЯБРЬ

Ах, белой луны намело
До крыш! . .
Иду Платоновкой:
Проаромачено село
Укропцем и антоновкой.

Внизу —
Утихшие листья
Под сапогами ворохом.
Поеживаются кусты
С чуть грустноватым шорохом.

И лунь сегодня хороша,
И первая морозинка! . .
Добром земли полна душа,
Как хата у колхозника.

* * *

Прошлась деревней хромка,
Упали звезды в плес,
Лениво и негромко
За речкой лает пес.

Течет,
Клубится стужа
От лунного костра,
Позванивает в лужах
Вода,
Как нож остра.

И мне не наглядеться,
Полслова не сказать:
Теплынь обвила сердце,
Заполонила гладь! . .

Сырой,
Скупой суглинок,

Да чем же ты согрет?
Пристыл от знобких льдинок,
А мне
Теплее нет!

В РОДНОМ КРАЮ

Согретые
В перьях заката,
Проклюнутся
Ночи цыплята —
Пушистые желтые звезды.

Чтоб странник не ведал тревоги,
Идя по чащобной дороге,
В потемках
Кротко и нежно
Затеплится обочь валежник,
Как будто зажженные угли,
И месяц зрак полукруглый
Вперит
В зоревую роздынь.

Здесь есть
Чему подивиться:
Тут звезды

Звѣнки, как птицы,
И даже летать умеют!
Здесь люди
Щедры, как солнце,
Добры,
Как нахвоенный воздух,
Не бросят страннику:
Поздно!
Когда он ни постучится —
Накормят и обогреют.

Приди сюда без сомненья,
Пойми
Земли откровенье,
Пожми
Эти жесткие руки:
Ты станешь
Богатым-богатым —
Ты будешь
Большим и крылатым!

* * *

Рыхлыми суметами
Низкие места
Доверху заметаны
Так, что — ни куста.

Дочиста заровнены
Тѣпи да бугры.
Все тропинки кровные
Скрыты до поры.

Но люблю над озером
Дѣтемна бродить,
Колющую прозелень
Пригоршнями пить,

Под лесистой кручею
Слушать снегирей,
Ожидая лучика
В сутемени дней!

Все ловлю за вьюгою
Вешний клич воды.
Все хожу,
Аукаю:
— Где твои следы?

ВЬЮГА

Я люблю
Пляску буйной метели
Под разгул трубача-урагана!
Вот свирепые руки взлетели,
Заметался подол сарафана!

Молодая, седая, прямая —
Завивает,
Хочет,
Бедует.
Рада вольница:
Всех, обнимая,
Озорными губами целует.

Заровняет холмы и ухабы —
И в поля без оглядки ускачет!
И в смятеньи
Трусливый и слабый
Не слезами —
Ледышками плачет.

Я ж люблю твой холод колючий,
Твои губы,
Огнем налитые,
Поцелуй нестерпимо-жгучий,
Вьюга русская!
Вихри крутые!

* * *

Смешал весны хмельной размах
Погудку выгнанной скотины,
Скороговор воды в ручьях
И рев у взмыленной плотины.

Ржут работяги-тягачи
На разогретых солнцем склонах,
И отошавшие грачи
Полям-кормильцам
Бьют поклоны.

Я сам земле поклоны бью,
Всем добрым людям
Шлю приветы
И, зачерпнув глазами, пью
Достатка
Первые приметы.

* * *

Держит память
В цепких лапах,
Как добычу кречет,
Смол июльских грустный запах,
Красноперый вечер,

Вскряки уток в староречье,
Жалобы куличьи,
Радость-песню человечью,
Ноченьки обличье. . .

В лунный блеск принарядился
Берег неказистый.
Мир не мешкал,
Не рядился:
Цвел любовью быстрой.

Пел
И плакал,

И смеялся,
Жил былинкой каждой,
Через край переполнялся
Неуемной жаждой! . .

И вдыхал я до рассвета
Ласку отчих пожен.
И во мне
Теплинка лета
Выстыть все не может.

* * *

Забреду в чащобу ежевики,
В гушару
Сл шать ветра посвисты и гики
На бору.

Как тебя, корявая сосёнка,
Обойму —
Сердца стук,
Захлебистый и звонкий,
Не уйму!..

Огляжусь:
Бессонная осина
Все дрожит,
Полумрак рогатая лесина
Сторожит,

На косе,
Где речка колобродит,

Рысий след...
Ничего не изменилось вроде
За пять лет.

А вгляжусь —
В знакомом захолустье
Все не так:
Нет привычной стародавней
грусти,

Реже мрак,

И дрозды ручней,
И тропка суше
Вдоль рябин.
По реке пройду —
И брызнет в уши
Гул турбин!

Заспешу, себе не веря:
Что там?
Чудо? — Нет...
И увижу вдруг за поворотом
Новый свет!

* * *

У села Слободки
Плещутся озерки.
Водятся в них плотки,
Есть и красноперки.

Белые кувшинки
Там цветут до ночи,
Тонкие осинки
На бугре бормочут.

И кругом на версты —
Льны, хлеба и травы:
Загляденье просто!
Удивленье, право!

Ой, село Слободка,
Третья хата с краю,

Вдовушка-молодка, —
Краше я не знаю!

Строже и стройнее
Не найдешь, не думай!
Целый год за нею
Я хожу угрюмый.

Руку предлагаю —
В руки не дается,
В город зазываю,
А она смеется:

— Парень ты упрямый,
Да на что мне город?
И скажу я прямо:
Убедишь не скоро!

Вот что, горожанин,
Оставайся с нами.
Ты ведь сам крестьянин
С крепкими руками.

Есть в колхозе место,
Дом тебе построим,
Сговорим невесту,
Свадьбу-пир устроим.

Нашу жизнь ты видишь,
Заработки знаешь:
Будешь не в обиде.
Что же ты вздыхаешь?

КОЗЫРЬ

Который год!
Который дом!
А он все тот,
Все с топором.

Встает чуть свет:
Дела, дела!
— Пора, сосед,
Заря взошла!

Рабочий день:
Не обессудь!
До Веретень
Изрядный путь,

Шесть верст идти,
А я не млад:
Сто без пяти —
Не пятьдесят!

Там саднит, здесь...
Бедой-беда!
Оно и есть:
Не те года.

Через поля
Сухой тропой
Идут, пыля,
Дымя махрой.

— Ты б на покой,
Влас Ваныч, мог! —
Махнул рукой:
— Не вышел срок.

Мне внука внук
Твердит: пора!
Да как без рук —
Без топора.

Сочти: ведь я ж
С бревном всю жизнь,
И вдруг — шабаш,
На печь ложись,

Зевай да в паз
Гляди, сердит.

Выходит: раз —
И Козырь бит?

А мне кругом
Чуть не любой
И клуб, и дом
Как сын родной!

Недоглядел —
Не то лицо:
Подгнил придел,
Косит крыльцо,

Там сел венец,
Тут — в крыше течь...
Хорош отец!
Залег на печь!

И молодежь
Вольна у нас,
За ней ведь тож —
Все глаз да глаз.

Намедни вон
Сподручник наш
Ловил ворон —
Не крыл гараж!

Да ты и сам
Хорош гусек:
День к трем часам —
Ты наутек...

А век какой!
Пойми, сынок:
Играть отбой
Еще не срок.

Взошли рядком, заметь-ка,
На грядке у куста
Бурак,
Чеснок
И редька —
Два брата и сестра.

Тепло и свет
Светило
Им слало, не скупясь,
Их облако поило
Живой водою всласть;

И в дрожь гроза бросала,
И тля на них ползла.
Но мать-земля спасала
Их от любого зла.

Смотрела добрым оком
На детушек своих,

Своим могучим соком
Вскормила всех троих.

Юнцы повырастали,
И хоть единый сок
Они в себя вбирали,
Но разный вышел прок.

И в радости и в горе
Чеснок впитал душок,
Скопила редька горечь,
И сладость — бурачок.

... Чадят иные чада:
«Не в нас — в житье вина...»
На жизнь пенять не надо:
Земля для всех
Одна.

* * *

Лунный ломтик тонкий,
Первая звезда.
По-мальчишьи звонкий
Пересвист дрозда
На осине
Синей,
Над речонкой
Звонкой.

Терпкая прохлада
Льнет к лицу, как шелк.
Так немного надо!
Сердцу хорошо:
Бьется ровно,
Словно
Ладно все и складно.

* * *

А. Никифорову

Затиленькала синица.
Дым — с озер.
Окунула заряница
Крылья в бор.

Все огнистей пламенеет
Жар пожар:
Накаляется,
Белеет
Красный шар.

Ни пол-облачка на небе —
Чистота!
Плачет в тучном хлебе
Чибис
Просто так.

Просто
Полно сердце птицы
До краев,
Просто
Нету над пшеницей
Соловьев. . .

Шаг шагнешь —
И сразу хлынет
Столько рос,
Столько ласковой мельни,
Чистых слез!

Бросишь взгляд:
Все чибис вьется,
Чернокрыл.
Вдох всего —
И в грудь вольется
Столько сил!

Захлестнет неодолимон
Жаждой жить! . .
Как тебя мне,
Край любимый,
Не любить!

ПРИГОРОК

И. Садофьеву

Наверно, вот этот пригорок
Живет уже
Тысячи лет.
Здесь ветер нахвоен и горек,
А воздух спрессован и сед.

Тут жар напоен
Дурнопьяном,
Част вереск
Полгода цветет,
В июне разливом румяным
Плывет по закату восход.

Огромное в рани лиловой
Багровое солнце встает,
И сумрак

В чащобе еловой
Тревожные песни поет.

И все мне тут
Близко до боли:
Волнистый сыпучий песок,
Замшелый валун в суходоле
И тихих клестов голосок!

Все любо:
Густая прохлада,
С рассветом сбежавшая в ров,
И дневка колхозного стада,
И добрые морды коров,

И смех работающих доярок,
И дымный пастуший костер,
И солнце,
Летящее яро
В бескрайний родимый простор!..

Здесь ветер нахвоен и горек,
А воздух спрессован и сед,
Не диво:
Ведь этот пригорок
Стоит уже
Тысячи лет!

Сутулит зеленую спину,
Испытано в жизни всего. . .
Но врос он
В родную равнину,
И время не стерло его!

ДВА РАССВЕТА

1

Летел рассвет,
Звенел,
Лучил медá,
Лил лиловатый свет
Рассвет,
Гонец труда.

Был розов он,
Был бел,
Был весел и пригож,
Как мальчуган-крепыш!

Он
На глазах взрослел.
Поил зарей овсы,
Румянил рожь,
Тревожил песней тишь.

Свисали от росы
Пшеничные усы,
Купались гущи трав. . .
Он рос,
Бежал стремглав!

Крут
У рассвета нрав:
Он жалости не знал,
Он все и всех будил:
Кто сны не доглядел,
Кто не охоч до дел. . .
Он всем одно твердил:
— Вставай,
Уснувший мир!

Как строгий бригадир,
Стучался в каждый дом:
Не скрыться никому,
Не деться никуда.
И шла за ним селом
Колхозная страда.

2

В августе рассвет
На ногу нескор:
Мудрые

52

Живут не спеша.
Ругань петушиная
Ему не в укор:
Что им!
За душой — ни гроша.

Кладью отягчен
Август-свет:
Все добро земли
На плечах!
У него приятели —
Мир да Совет,
У него
Степенность в речах.

Доброму хозяину,
Ему ль не знать:
Поспешишь —
Людей насмешишь.
Вот и не торопится он
Шагать,
Тормозить
Ленивицу-тишь.

Вышлет сквознячок,
А сам — молчок:
Нечего шуметь зазря.

53

Опадают рбы:
Чок, чок, чок...
— Пятый час:
Пошли, заря!

ЛЕТО

Размахнулось лето
На полсвета,
Повителью солнечной согрето,
Птичьими воспето голосами,
Гулкими прославлено громами,
Молодыми ливнями омыто,
Пестроцветью доверху обвито.

Облетело полпланеты
Лето,
Процедило духовитый зной.
Над моим колхозом,
А не где-то,
До заката
С самого рассвета
Сыплет август
Щедрую казной.

«Добрый урожай!..
А как бывало? —

Говорят в правленьи земляки, —
Та же самая земля
Рожала
Только лебеду да васильки.
Там и тут нехватки,
Недостатки,
Словно б мачеха она —
Не мать.
А теперь,
При новом распорядке,
Некуда добро ее девать! . .

На Шелони,
А совсем не где-то,
Не когда-то —
В этот ясный день
Заплатило за работу лето
Двадцать пять рублей
На трудовень!»

ДЕНЬ

День засмеян рыжим ветром,
День насолнчен,
Полон звонким разноцветом
Неумолчным,

До макушки жаром нежным
Промедвянен.
День как труженик
прилежный —
Псковитянин.

УГОМОНИЛАСЬ ГУЛКАЯ ОКРУГА...

Угомонилась
Гулкая округа,
Густой и жаркий
Догорел закат,
И косари с умолкнувшего луга
Гурьбой веселой
По домам спешат.

Прозрачный сумрак,
Ласковый и влажный,
Окутывает землю не спеша.
И кто-то на селе
Запел протяжно,
И песне той
Отозвалась душа;

Отозвалась,
Запела,
Всколыхнулась,

И самому не угадать себя,
Как будто снова
Молодость вернулась
И в грудь вошла,
Бедуя и любя.

И хорошо,
И грустно поневоле.
Бывает так
В полуночной тиши.
И кажется,
Немое шепчет поле:
Люби, зови, надейся
И дыши.

* * *

Обоймет, как зазноба,
Теплынь,
Заведет, не спрося,
В купыри
И такую подарит мне синь —
Хоть губами, хоть горстью бери!

Ох и любо к духмяной груди,
Обо всем позабыв,
Прикипать,
В зеленóm половодье лядин
От зари до зари утопать!

Ни полчуда,
Да всё чудеса:
В каждом листике — трепет души! . .
И глядят тебе в душу
Глаза
Этой доброй и ясной глуши! . .

* * *

Ну и сушь, ну и лето
Этим летом стоит:
С мая не было и нету
Ни дождинки дождя!

Ой-ой-ой, что за Люба!
С февраля по июль
Не услышал я от лóбой
Ни словца про любовь.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

На то она и первая любовь,
Чтобы за нею вслед пришла вторая

Голубовский

Первая любовь
У всех одна.
Ясная, высокая она,
Как в потемках полная луна:
Лишь себя не видит —
Всем видна.
Щедрая и добрая,
Она
Солнца животворного полна,
А что зябким душам
Не дана,
В этом вовсе не ее вина.
От нее
Начало всех тревог,
Без нее —

Кончина всех дорог.
Первая любовь
Всего одна.
Помните:
Последняя она!

* * *

Д. Григорьевой

Улеглись дневные страсти,
Кроток буйный лог,
Месяц,
Словно чье-то счастье,
Ясен и высок.

Сыплет,
Щедрый и лиловый,
В воду пяточки.
Рядом сердца дорогого
Гулкие толчки.

До утра висеть
Туманам,
Отдыхать земле,
Петь зарянке неустанно
В тихой полумгле,

И дремать,
Молчать округе,
Месяцу гореть,
И твои родные руки
Мне дыханьем греть.

ХОР

Туман в широкую полú
Укутал пожню на рассвете,
Но чибисиному крылу
Легко шуршать над разноцветьем.

Забил медная заря
В зелено-гулком поднебесье,
И, вторя громким косарям,
Выводит жаворонок песню.

Трубят в деревне пастухи,
Довольно взрывает стадо,
Вовсю горланят петухи,
И шелестит в траве прохлада.

Сверчат кузнечики в лугу,
Текут, позвякивая, росы,
И коростель на берегу
Поскрипывает долгоносый.

Возня и всплески на реке.
Ельцы и голавли гуляют.
И мухоловки в ивняке —
Туда же:
Утро прославляют.

Басят, рокочут трактора,
Косилки резво тараторят,
И писк малютки-комара
Отчетлив
В голосистом хоре.

Проснулся
И пошел большак,
Заворковал во сто моторов,
И, не смиря гордый нором,
Заржал на пастбище рысак.

Скажи ты,
Все как есть поет,
И даже воздух песни вроде!
И сердце тихое мое
Сейчас
Как парень в хороводе!

* * *

Дожигала осень
Реденькую зелень,
Под ногами льдинки
Тоненько звенели.
Вечер красным крапом
Облака обрызгал,
Журавли тянули
Медленно и низко.
В неоглядных пожнях
Выстудив проселок,
Забавлялся ветер,
Радостен и колоч.
Задираю осоку,
Целовал осины. . .
Край ты мой неслышный,
Любые картины!

* * *

Пресной стужей
Густо пропитанный,
Бор сегодня
И тих, и пуст.
Над ручьишком
Шумок ракиновый,
Сбитых листьев
Невнятный хруст.

Небо
Тучи сушить развесило:
То их выжмет, всплакнув,
То вдруг
Рассмеется
По-летнему весело,
Кинув
Пригоршню солнца в луг.

И земля
Молчаливо-кроткая

Вся затеплится
От желтизны,
И смешается
Радость короткая
С долгой грустью
Озябшей желны.

И поры тебе лучшей
Не надобно:
Весь ты здесь,
С головы и до ног.
Но в горячем горле
Негаданно
Ворохнется
Соленый комок.

Вся затеплится
От желтизны,
И смешается
Радость короткая
С долгой грустью
Озябшей желны.

* * *

Облетевшие березники,
Туч косматые стада.
Не играет больше песенки —
Плачет
В реченьке вода.

Коротко оно на севере,
Лето:
Сплыло, уплыло.
Северйт, шаманит северик,
Хмурит властное чело.

В перелесках ерепенится,
Крутит
Сбитые листы,
День и ночь сгибать не ленится
В три погибели кусты.

Только к холоду привычная,
Озимь

Пуще молода.
И подземная, криничная,
С каждым днем
Теплей вода.

РУССКИЕ ЛЮДИ

Белеет бурая тропка,
Светлеют елочки-копья.
На черную землю
Робко
Слетают крупные хлопья.

Домá,
Низины,
Пригорки
Денек, расщедрьась, украсил.
В честь завершения уборки
Сегодня в колхозе праздник.

Не часто вам веселиться
Приходится,
Верные друзья, —
Родные добрые лица,
Большие в мозолях руки.

Какая уйма
Работы
И сколько любви человеческой,
Какие земные заботы
На ваши ложатся плечи!

Матери наши и сестры,
Братья, отцы и деды,
Прошли вы
Несчетные версты,
Изведали
Радость и беды.

Прошли.
И нести не устали
Огромную ношу буден! . .
Неправда,
Что вы из стали,
Вы — просто русские люди.

Что в тебе,
Неказистая снежность?
Чем берешь ты?
Чем держишь меня?
Даже лютая стынь твоя —
Нежность,
Даже тьма твоя —
Проблески дня!

За околицей
Хлесткая вьюга.
Чуть за полдень —
А в небе закат.
Только мне ты,
Немая округа,
Откровенней чужбины стократ.

Мужики
Не бойки в разговорах:

Больше слушают,
Курыт,
Молчат,
Но тебе новостей добрых
Ворох
И без слов
Их глаза налучат.

Проводить в новый клуб
Не откажут:
«Земляку-стихотворцу
Почет! . . .»
Залихватской пляской
Уважат,
Словно усталь дневная
Не в счет.

Ни словца
Про свои неполадки,
Словно доля,
Как праздник, сладка,
Словно в лица им
Горькие складки
Не впечатала жизни рука.

Проку нет
Со вчерашним рядиться:
То, что было,

Быльем поросло.
Нынче
Звездною новью гордится
Окрыленное наше село.

* * *

В селе петушья куролесица.
Морозный дым в логу повис,
Надкушенный покровок месяца
Скупые крошки сеет вниз.

Тихи поляны оробелые:
Не шумнет птаха в лозняке.
Березам снятся
Ночи белые
Да пенье вёсел на реке,

Да луг цветной, залитый росами. . .
А высь по-летнему густа.
И веришь:
В этой щедрой россыпи
Зажжется и твоя звезда!

* * *

Мартовским морозцем обогрет,
Думами земли
Заполонен,
Я торю,
Какой умею, след:
Не велик —
Зато надежен он.

Не петляю,
Как хитрец беляк, —
Шаг за шагом
Уминаю снег. . .
Может, следом
Выйдет на большак
Сбившийся с дороги человек.

УЗА

Безлесное место,
Низинная сонь,
Осока да рдесты —
Здесь
Уза впадает в Шелонь.

Она зародилась
В глубинах земли,
Тихонько струилась,
В нее
Два ручьишка втекли.

Не зная покоя,
Сбирала в лесу
И воду поля,
И капли дождя,
И росу.

И верст через тридцать,
Пускай не Окой, —

Сумела разлиться,
Какой ни какой,
А рекой.

В завалах шумела,
Упорна и зла,
От зноя мелела,
Но воду
Все дальше несла.

Песок желто-красный
Ей сдавливал грудь,
Да только напрасно:
Не смог ее
Вспять повернуть!

Дошла!
Не устала! . .
Над устьем —
Тишь-сонь . . .
И Узы не стало:
Вперед побежала
Шелонь.

Копила сурово
Богатство свое —
Ни славы,
Ни слова,

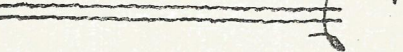

Как будто и нету ее.

Она ж не в обиде,
Журчит на лугу:
«Вы, глубоки,
Живите,
Я все вам отдам,
Что могу!

Мне косы-откосы
Пришлось одолеть,
Чтоб Ильмена плесы
Не стали
Мутнеть и мелеть».

ИСТОКИ

Где ты, Ильменка, плещешь,
Мне слышно журчанье твое,
Живешь, глубокая вода,
Можешь, Ильменка, еще и не забыть
Бездальней правды всякой.

Как ты, Ильменка, плещешь,
Мне слышно журчанье твое,
Живешь, глубокая вода,
Можешь, Ильменка, еще и не забыть
Кресты на бабьих плечах.

Как ты, Ильменка, плещешь,
Мне слышно журчанье твое,
Живешь, глубокая вода,
Можешь, Ильменка, еще и не забыть
Матрону, что в раскаты
сердечки.

* * *

Как ты тяжело дышишь,
Небо,
Желтые кресты неся!
Может, Жизни еще и не было?
В пламени планета вся!

Как ты глухо стонешь,
Поле,
Выбито стальной пятой!
Может, не было вольной воли?
Колос не звенел литой?

Как ты горько тужишь,
Речка,
Братскую могилой став!
Может быть, застучать
сердечку
Час пока что не настал? . .

Пусть страшна пришельцев сила,
Адский учинен разор —
Глаз Россия не опустила.
Скорбный
Грозовеет взор!

ВЕРНОСТЬ

Не море —
Бескрайнее горе.
Земли перепуганной дрожь.
Сочатся
Пробитые зори,
Ложатся
В убитую рожь.

О край,
Ясноглаз и доверчив!
Тебя на потеху войне
Хватают клыкастые смерти
И в черном корежат огне.

Но смотрят нам
В души нагие
России
Сухие глаза:
— Мои сыновья дорогие,

Ни шагу,
Ни пяди назад!

И мы ей, любимой, приносим
Любовь свою —
Точность свинца! . .
Быть зорям,
Вздymаться колосьям
И жить тебе, жизнь, без конца!

* * *

Ропшут сосенки
Глухо, сбивчиво,
И побраниваясь,
И скорбя.
Отчего ты, даль,
Расплывчива?
Нет ни облачка у тебя!

Сиротливо ивовой молодежи:
Поневолушке загрустишь.
Почему ты, ветер,
Холоден?
Ты же с теплых морей летишь!

Луч,
Доверчивый луч,
С опаскою
Пробегает по рыжим холмам.

Что ж ты, солнышко,
Неласково?
Ты ведь ближе, чем летом, к нам!

Отшумел тростник про заветное,
Лето кончилось —
Время сна.
Ты откуда,
Стекло бесцветное?
Над озёрком голубизна!

В небе стаи да клинья узкие.
Всё летят,
Всё летят,
Летят...
Ой, куда же вы,
Странники русские?..
— Мы вернемся!
Вернемся назад!

ПЕРЕХОД

У кромки старуха осина
Хохочет,
Хохочет навзрыд.
Вязка ты,
Псковская трясина:
И лось не опустит копыт.

К тебе и глухарь отошальный
По клюкву
Не смеет летать,
Кабан —
Вездеход одичалый —
Обходит
Проклятую гладь.

Здесь прямо,
И справа,
И слева
Стоглазая дышит напасть,

Бурчит ее черное чрево,
Оскалена бурая пасть.

И нету нам выбора!
Нету!
И можешь не можешь —
Иди!
— Пустите-ка, я ее, эту! . . .
Ой, мама, да здесь до грузи!

Ярится
Ноябрьская стужа,
А хаты,
Как май, далеки.
— Подсумки притягивай туже
Патроны мочить не моги!

— Эй, зяблики,
Грейсь от заката:
В тепле-то сподручней идгить!

. . . Да кто ж вы такие,
Ребята?
Да как же России не быть!

ПЕРЕД БОЕМ

Ровно полночь.
Холод крут.
И курки
Лишь пальца ждут! . . .

«Братцы,
В лес бы завернуть,
Закусить бы
Да соснуть
Чуть-чуть!

Что-то саднит потроха:
Одолжи чуток жмыха. . .
Эх, едал я до войны
Порумянее луны
Блины!» —

«И чудака же человек,
Будет нам ужю ночлег!» —

«Ша, ребята!...»
Ночь ясна.
Натянулась, как струна,
Тишина.

Полнолуние.
Тень от пунь.
В омшарине плачет лунь.
Студит звук,
И жжется цвет.
Ходят рядом
Тьма и свет —
След в след.

БРАТУ

Ты меня прости:
Без слез тебя оплакал. . .
Догорали хаты,
Разгоралась зорька.
Под забором сваленным
Бездомная собака,
Вскинув морду в небо,
Сетовала горько.

Ахали гранаты,
Дым ходил клубами,
Властвовал свинец
В деревне ошалелой. . .
Ты лежал ничком,
Припав к земле губами,
Мальчик поседелый
В изморози белой.

Вот она, война:
В свои пятнадцать всѐсен

Ты уж отсолдатыл
Два крошечных года!
Ты и в дыме ясен,
И уснувший грозен,
Как любовь и гнев
Бессмертного народа!

ПОСЛЕ БОЯ

Устали братья от похода:
Спят, не дыша.
И хоть какая будь погода, —
Им хороша...

А ты, живой, не спи, усердствуй,
Гляди вокруг,
Прижми к земле плотнее сердце,
Чтоб тише стук.

Кругом каратели маячат,
А ты один.
Как белый день, ясна задача:
Гляди, гляди!

Оставь уснувших, вытри слезы:
Тебя простят.
О них печальные березы
Отшелестят...

Пусть ноябрю хоть что, злодею:
То снег, то дождь,
Забудь про мирную затею —
Про тела дрожь.

Смотри,
В смертельной круговерти
Не закружись.
И ни полдумки чтоб о смерти —
Такая жизнь!

ТРИФОН

Ветрено и месячно.
Не спится.
Бьется песня
В заросли еловой:
«Ой, да шла девица за водицей,
За водицей ключевой-ключёвой!..»

— Тише вы:
Разбудите комбрига,
А ему на зорьке —
Путь-дорога.
— Ротный, друг,
Чего ни что соври-ка!
— Трифон Павлыч,
Ну, хотя б немного!
— Расскажи, как с фон-бароном
спорил!..

— До войны я, вишь, на эмтээсе
Десять лет в механиках моторил.
Знал, само собою, толк в железе.

Немец к нам притопал
В две недели.
И случилось:
При подходе шваба
Мы угнать машины не успели.
Плакал,
А моторам — шеи набок.
Новый, так сказать, пришел порядок:
Что загибло в те поры народа!
Смерть везде:
И далеко, и рядом. . .
Сам не знаю, как прожил полгода!
Ну, пронюхали, кто я.
Схватили.
Думаю:
«Сейчас нам, Триша, вкатят! . . .»
Ражий фриц подходит:
«Герр¹ Васильев!»
И подносит кружку шнапса:
«Нател!»
Что же делать? Выпил.
А зверюга —
Леденец мне в руку:
«Посластитесь!»
Покупает задарма, подлюга:
«Рад вас видеть! Рядышком садитесь».

---

¹ Герр — господин (немецк.).

А потом и говорит вражина:
«Будем, герр механик, откровенны:
Вы должны нам починить машины!
Помогать вам будут двести пленных!
Обещаю вам
Я,
Фон дер Плётке,
За работу дорогой подарок:
Новый дом,
Пятьсот бутылок водки
И в придачу
Двадцать тысяч марок!
Станете богатым без усилий. . .»
Тут я встал
И рубанул заразе:
«Говорю вам
Я,
Три-фон Васильев:
Не согласен, пан!
Ни в коем разе!» —
«Драй маль фон?!¹ —
Он вылупил глазищи. —
Драй маль фон?» —
И вдруг меня как звизднет!
Дрался, окаянный,
Черта чище:

---

¹ Три раза фон (немецк.).

Каб не вы,
Не видеть бы мне жизни.

— Значит, так и лопнула награда?
— Да, проторговался фриц, ей-богу!
А теперь соснем часок, ребята:
На рассвете —
В дальнюю дорогу.

СОКОЛИЙ МОХ

Ты до сих пор
Не пересох,
Свирепый мох,
Соколий мох,
Наш тяжкий вздох.

Не позабыть:
Брели без сил,
Свинец над нами голосил,
Казался тьмою
Белый свет,
А главное —
Патронов нет!

С боков ревет,
Ярится бой,
Висит «костыль» над головой,
И за спиной —
Полк егерей
Глухой стеной!

Ни встать,
Ни лечь,
Ни повернуть:
Трясина!
Шаг ступил не так —
И все, земляк,
Окончен путь!

А впереди
На нас глядит
Немая черная беда —
Вода!
Куда же нам идти?
Куда? ..

Мы оседлали островок —
Сто сажен вдоль,
Сто поперек —
И залегли в траву.

Приказ:
Держаться до утра!
Стреляют
Только снайпера!
Друзья, не промахнись,
А то! ..
Зови Москву!
Зови, браток!

Зови, радист!
«Радист, радист,
Поторопись!»

А до Кремля,
До ясных звезд —
Леса, поля,
Полтыщи верст!

А у Москвы
Недобрый день,
Тяжелый час,
Ей не до нас:

Над нею враг навис,
Как тень,
Там
От его стальных когтей
Дрожит и дыбится земля,
Грохочут бомбы у Кремля.

Ты, мать,
Поймешь своих детей,
Ты не осудишь нас:
Нам без тебя
Нельзя сейчас,
Нельзя
Без помощи твоей!

«Зови, радист!
Зови скорей!»

И ты в Соколий мох пришла,
Патроны принесла,
В глуши псковской
Сынов нашла
И от беды спасла:
Пока живу,
Со мною вы,
Хоть мне и нелегко! . .

Кто говорит,
Что до Москвы
Далёко-далеко?

КРАСУХА

Чернобыль над пепелищем
Да густой бурьян.
Оголтело ветер свишет,
Кровью сыт и пьян.

Хоть бы двор какой иль хата —
Пусто впереди!
Только зарево заката
Душу бередит.

Только черные у речки
Трубы, трубы. . . в ряд,
Как потушенные свечки,
Горестно стоят.

Только ворон грозно, глухо
Каркнет о беде. . .
Что с тобой, моя Красуха?
Хата моя где? . .

Где ж оно, окно резное,
Низенькая дверь?

Ой, село мое родное,
Как же мне теперь?

Я четыре тяжких года
Этой встречи ждал:
Я ходил в огонь и в воду,
Кровью истекал

В ледяную завихруху,
В черную напасть,
Чтоб тебе,
Краса Красуха,
В горе не пропасть.

Верил: свидимся с невестой,
Успокою мать.
... Где я? Памятное место
Сыну не узнать:

Ни родимой, ни подруги —
К сердцу сквозь кусты
Тянут высохшие руки
Серые кресты:

На тропе шумит, лопочет,
Шепчет чернобыль,

Словно всем поведать хочет
Дней проклятых быть.

В сорок третьем в тьме метели
На село мое
Набежали, налетели
Псы и коршунье.

Триста душ, ни в чем
не виновных,
Выгнали на снег,
Затолкали в пасть овина
Триста человек!

В каске, словно бес двурогий,
Лаял хауптманн:¹
— Где находятся дороги
В лагерь партизан?

Три часа на размышление,
Три и нуль минут.
Если скажете, — прощенье.
Нет — и всем капут! . . .

Нет! Ни слова об отряде:
Замер стар и мал.

---

¹ Хауптманн — капитан (немецк.).

И ни звука о пощаде
Враг не услышал.

Заплескалось пламя в крыше,
Взвился адский чад! ..
Не слышал — и не услышит:
Мертвые молчат. . .

Всем таким, кто к миру глухи,
Не мешает знать,
Что Россию, мать Красухи, —
Нет! Не запугать!

СИНИЦА

Не знаю,
Сколько здесь
Целых тел
Из всех из нас
Можно б собрать,
Но душ,
В которых светляк теплел,
Бедевало в палате
Двадцать пять.

Был каждый вдох
Как нож под ребро!
Стук сердца
Искры из глаз высекал!
И лапа когтистая
Рвала нутро
И клала бывалых ребят
Наповал.

ЗАРЯ

Я запер сердце
На крепкий засов,
Я бросил тоске:
— Шалишь! ...
И, стиснув зубы,
Десять часов
Ночную выслушивал тишь.

И десять часов,
Десять подряд,
Как в омут,
В темень глядел.
Храпел,
Мельтешил за окном
Звездопад,
Молодик
Нестерпимо желтел.

А тишь,
Как холодный стоногий червь,

Шевелилась,
В уши ползла.
И тьмы проклятушей
Зыбкая чернь
Текла,
Наливалась в глаза.

Хватил я лиха
От ласк тоски —
Не запираюсь зря!
Да вдруг,
Когда уж не видел
ни зги,
В окно постучала
Заря!

За нею — солнце,
И льдинки в глазах
Порастаяли у меня.
И я не стыдился
В теплых слезах
Встречать
Наступленье дня.

И вот я живу,
Черт побери,
Хоть были дела
Табак!

Живу,
Поживаю,
Крестник зари,
Тоски беспощадный враг!

ВСТРЕЧА

Матери

Вечереет.
Нет пригожего.
Не примчится? Неужель? ..
Перья снежные взъерошила
Голосистая метель.

Разошлась, простоволосая:
Так и чешет трепака!
Смолкни,
Вольница белесая!
Отступись от большака!

Три зимы родимый
Ворога
От Москвы к Берлину гнал.
Бил злодея —
Любо-дорого!
Ничего, что ростом мал.

Не остудишь —
Не пронизывай!
Было все —
Не привыкать.
И глядит на поле сизое,
Все глядит старушка мать.

У завьюженной околицы
День-деньской стоит и ждет.
Ошалело стужа колется,
А ее
Бросает в пот.

Нет.
Все нет. . .
Не приключилось ли
Уж чего-нибудь в пути?
Вдруг на взгорке кони выросли
«Летит!»

Побежала.
Спотыкается.
Шубу скинула в сумет.
«Мама! . . .»
Чаянья сбываются.
Молкнет ветер. Тает лед.

БАБУШКА

Был мой дед
Своенравен и лохмат,
Характером крут,
На руку тяжел.
Выпьет, бывало, —
Черт ему не брат:
Зачудачил,
Забузил,
Пошел! . .

Да и натворит такого
Сгоряча,
Что с полгода после охает,
Питух. . .
Ростом был дед
Бабке до плеча,
От нужды,
Как тын от зноя, сух.

Ни кола-то не было у него,
Ни двора.
Плотничал за харч
Без отдыха все дни.
И всего-то в халупёнке
Значилось добра —
Семнадцать ртов ребятни.

Но не унывал он,
Работящ и прост,
Не тужил,
С бедою жил-дружил.
Да однажды
Топоришком графу пригрозил:
«Не задирай, собака,
нос! ..»
И за это в Порт-Артуре
Буйну голову сложил.

Бабушка осталась
Восемнадцата сама:
Старшему — пятнадцать,
Меньшой — годок.
Паши не паши —
Все равно сума:
Земли — десятина,
Подзол да песок.

Графский приказчик
Самолічно наезжал:
«Сделаю кухаркой!
Бей поклон!
Гришка твой — безбожник,
А за веру пал. . .»
Только и промолвила:
«Ступай вон!»

Любо ли не любо —
Надо было жить:
Умереть-то
Ведь не поздно никогда, —
Детвору растить,
В люди выводить.
Не промаялись и года —
Шасть
Новая беда!

До последней щепки все
Пожрал пожар:
Сгорели и кот,
И комолая коза.
Приняла,
Перенесла и этот удар.
Только глубже запали
Скорбные глаза.

До семнадцатого года —
Двенадцать лет!
Легко сказать,
А прожить какво!
От работы черным казался
Свет,
Будто сажа пала на него.

Леденело сердце
От горестей-забот,
Иней
До срока выбелил виски.
Но вот
Набатный семнадцатый год
Каторгу земную
Разнес на куски!

Забурлила деревня,
Закипела душа:
Ни удержи ей,
Ни греха!
В ненавистные хоромы
Бабушка пришла —
И взъярились крылья
Красного петуха!..

А потом на сходке
Говорила мужикам —

Не по книге читала, —
Не обучена была:
«Земной поклон
Товарищам большевикам
За праведный суд,
За добрые дела!

Кабы не они,
Так всем бы нам пропасть,
Всех замордовал бы
Граф-душегуб.
Советская власть —
Нашенская власть,
Манифест ее
Кому ж не люб!

Я первая за Советы!
Давайте манифест!..
Ишь ты, карандаш,
А погрузней бревна!
Расписаться не учена,
Так уж я поставлю крест...»

Бабушка считала,
Что неграмотна она.

СКАЗ ОБ «ИСКРЕ»

В Порт-Артуре это было
Много лет тому назад.
На позиции в траншее
Закурить решил солдат.

Обратился он к матросу:
«Подымить охота страсть!
Удружи, браток, газетки,
У тебя видал вчерась».

Отвечал моряк пехоте:
«Слушай, дядя, и гляди!» —
И достал неторопливо
Лист, хранимый на груди. —

«Это ленинская «Искра»,
Ей не гаснуть тыщи лет:
Час настанет —
Загорится
От нее весь белый свет!»

И матрос читал солдатам,
Искрой жег у них сердца.
В кандалы жандармы утром
Нарядили молодца.

Заковали человека,
Да не «Искру» —
Ей гореть:
Правду жизни за решетку
Невозможно запереть.

Не погасла, не пропала,
Не схватить ее врагам:
По рукам солдаты
«Искру»
Передали морякам.

Моряки домой вернулись,
Привезли ее в Кронштадт.
Там хранили на «Авроре»
У надежных у ребят.

Время шло.
Она пылала:
Ярче, жарче что ни день.
И за нею с каждым часом
Больше, больше шло людей.

Добралась, попала искра
В орудийные стволы.
Грянул час!
Гремит «Аврора»!
Нет в России кабалы! . .

Почему так ярко звезды
Над родным Кремлем горят?
В них
Огонь нетленной «Искры» —
Так в народе говорят.

* * *

Берег, тихий и отлогий,
Лес, рекой отгороженный.
Я стою, седой и строгий,
И молчу, растревоженный.

Бродят аисты у брода,
Над равниной цветистой
Всплески солнца,
Терпкость меда —
Летний полдень неистовый!

Заосоченная заводь
У гусиного омута,
Где любил подпаском плавать,
Ни ветринкой не тронута.

Прост и ласков, и сердечен
Мир, июнем расцвеченный.
Как ты, детство, ни далече —
Дарит реченька встречу нам!

Ширь земная необъятна.
Где вы,
Други-приятели?
Завернули бы, ребята,
К доброй родине-матери!

РОЖДЕНИЕ

Срок пришел —
Не отложишь...
Бросил серп —
И с полей
Припустил тятка
Рожью,
Не жалея лаптей.

«Гришкин Колька-то! Лихо!» —
«Эк его припекло!» —
«За бабкой Кузьмихой
Почесал на село».

Целый час повитуху
На закорках волок.
«Ну, попала в поруху!
Мочи нету, сынок...»

В дом вошли —
На колени

Бабка прежде всех дел
(Там, в большом углу,
Ленин
С портрета глядел).

У древнейшей старухи
Глаз, понятно, не тот.
«Боже, дай молодухе
Счастливым исход!»

Намолилась.
«Встань, выйдем!
К речке надо бы, Марь...»
Там и свет я увидел,
Синеглазый скобарь.

Всем, товарищи, ясно,
Кто я такой?
Ведь с начального часа
Был
Ленин со мной.

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Мой родитель,
Чудак-поэт,
О стихах и восходах тужил.
Что бумаги извел —
Счету нет!
А коровки вот не нажил.

Самодельных
Из сажи чернил
Не одну бутылку перевел,
Но полушки не накопил.
Так и жил он,
Гол как сокол.

Одолела нужда
Мужика:
Хоть шаром покати в дому.
Мы не видели молока,
На подножном жили корму.

У печурки, бывало, сидим —
Завывает ветер в трубе
Да в омшаре
Бирюк-нелюдим
Голосит
О горькой судьбе.

Говорил смущенно отец:
«Нá горбушку,
Пожуй чуток!
А настанет зиме конец —
Станем пить
Березовый сок!

Обойдемся без молока:
Уж декабрь,
Скоро март придет.
Не могу просить
Кулака:

Он за кринку
Полтинник дерет!»

Добрый март
Приходил наконец,
Прогонял трескучий
Мороз,
И меня уводил отец
В белобокую рощу берез.

Сладкой влагой
Вволю поил,
Приговаривал:
«Пей, сынок!
Набирайся скорее сил,
Из родимой земли он,
Сок! . .»

Он и вправду
Силу мне дал,
Нежность влил мне
В сердце и в стих.
Разносолов я не едал,
Ну, а вырос
Не хуже других.

МАТЕРИНСКИЙ ХЛЕБ

П. Выходцев

Я в русской глухомани рос.
Шагнешь —
И прямо на задворках
Ольха да мох,
Да грусть берез,
А дальше —
Град уездный
Порхов.

В деревне —
Двадцать пять дворов,
На едока —
Шматок низины,
На всех —
Четырнадцать коров
И семь голов
Иной скотины.

Народ —
На бедняке бедняк,
А ребятню, что год, рожали!
Как жили?
Всяко:
Так и сяк —
Не все, однако, помирали.

Большим не до ребят —
Дела:
Не как теперь —
Не на зарплате.
Нам нянькой
Улица была,
Кустарник — мамкой,
Поле — тятей.

Про зиму что и вспоминать!
Вьюга вьюжила на болоте.
Зима и сытому
Не мать,
И разодетому
Не тетя.

Весной кормились купырем,
Пестами ранними,
Кислицей,

А потеплеет —
Пескарьем,
Но более всего
Водицей.

Зато уж лето
Детворе
Надарит ягод и орехов,
И птичьих песен на заре,
И вволю солнечного смеха! ..

Нас в люди выводила
Русь
Всей строгостью
Земли и неба.
Пусть хлеб ее был черным,
Пусть!
Но никогда он
Горьким не был!

ПУШКИН В ДЕРЕВНЕ

Конек семенит неторопко,
От зноя мигают поля.
Знакомая сызмальства тропка,
Плакучая мать-земля!

Сыпучий песок, да ухабы,
Да лес,
Разомлевший, немой.
Навстречу — господские бабы
Да нищий с дырявой сумой.

И родина сердце ласкает
До муки,
До боли,
До слез! ..
Растает и вновь заплескает
Нежнейшая снежность берез.

Безбрежного лета истома
Засыпала сад белизной.

И тянет знакомым-знакомым:
Поземом да гарью лесной.

Как правда простая картина:
Проселка крутой поворот,
Малютка-пичуга у тына
Простецкую песню поет.

Въезжают с кряхтеньем колеса
В голодное горло ворот.
Девчонка,
Боса и льнокоса,
С испугом
О счастье поет:

Как спорить с лихою судьбиной
Отправился милый в сыр-бор.
А взгляд у нее
Голубиный,
Что зеркало псковских озер.

Звенит голосок сиротливый
Про злую недолю-нужду.
А взгляд у нее
Терпеливый:
Сражайся, а я подожду.

Останусь я верной навеки,
Ты только врага победи! . .

И Пушкин слезает с телеги,
И зреет такое в груди! . .

... Четыре тесовых ступени,
Оббитое хмелем крыльцо.
И сразу — не гнутся колени,
И жар застилает лицо! . .

Слежавшейся сажей и луком
Изба прочадилась насквозь.
С иконы
С упреком и мукой
Облупленный смотрит Христос.

«Ах, нянюшка! . .» —
«Мой голубочек?
Живехонек! Ну, молодец!
А я-то уж пятый денечек. . .
Глаза проглядела вконец.

Так, значит, вернулся, так, значит,
Теперича снова со мной? . . .»
За желтой слюдою маячит
Июльский полуденный зной.

За темным окошком,
Вздыхая,
Смеясь,

Задыхаясь от слез,
Ждет часа
Святая, лихая
Россия — предвестница гроз!

ВИТЕБСКО-НЕВЕЛЬСКАЯ ГРЯДА

Первозданного льда
Разъяренные туши-громады
Наползали сюда,
Налезали,
Как тысячеверстные гады.
Скрежетали,
Сгибали тебя,
Выгибали,
Десять тысяч веков
Холодьюгой морили.
Но бессмертную плоть они
Не умертвили,
В броню ледяную тебя
Не одели —
На груди твоей жаркой
Исчахли, истлели.

Но победа тебе
Не лебонько досталась
С той поры ты, земля.

Каменистой,
Холмистой
Осталась
И такой же задумчиво-грустной.
Как твой пахарь плечистый —
Мужик белорусский и русский.

Дальше —
Та же судьба.
Что ты вынесла пыток!
Сотни лет жгли огнем тебя,
Били копытом,
Но скупые суглинки
Взаправду любя,
От велика до мала
Рать сынов-землепашцев
Стеною вставала.
И блестели мечи!
И ржавели орала! . . .

Все прошло
Насовсем:
Лихолетье откняжило,
Отпановало,
Время доброе,
Время людское настало:
Здесь ржавеют мечи!
Здесь сверкают орала!

ПЕСНИ О ВЕЧЕВОМ КОЛОКОЛЕ

И колокольчик, дар Валдая,
Звенит уныло под дугой.

Ф. Глинка

1. НАВАТНАЯ

Псковичей
Сшибая с печей,
Швыряя с перин,
Сгребая с дерюг,
Как с яблонь яблоки —
Ветр,
Как сиверко —
Палый лист,
Ополночь
Звон взревел,
Что тьма сентября
Тягуч,
Что дьякон соборный
Басист.

Как вздох
Разверзнутых недр,
Бил,
Ликовал,
Хлестал
Грозный
Бронзовый град,
Добела раскаляя дух:
Бам! Бом-м! У-ух! . .
Сполох! Набат!

Пскове-град,
Детинец, посад,
Мужичонка с косой,
Купчина с кисой,
Стар и млад —
Рад не рад —
Всё на кон:
Кровь,
Кровь,
Жен,
Невест,
Нательный крест,
Живот!

Кто-то падал ниц:
«Свят, свят, свят!
Чур меня, чур!

Ахти мне, ох! . .» —
«Эй ты, ярыга, цыц!
Вытри возгривый нос!
У стен супостат —
Лютый ливонский пес! . .»
Сполох!
Споло-ох!

У стен стон,
Звон
Со всех сторон,
Ключьями чад:
Котлы со смолой кипят —
Кромешный ад!
И над ночью —
Набат. . .
Набат.
Набат. . .

2. ПРОЩАЛЬНАЯ

Псковичи
Прощались с вольницей,
Причитали,
Земно кланяясь:
«Ты прости,
Разгульный наш отец,

И вкривь и вкось,
Кромсяя
Морёный дубовый брус,
Звонкий, как булат,
Крепкий, словно кость,
Неподатливый секирам.
Как вражеским силам —
Русь.

С башни сыпалось эхо.
Голосило вдовой.
Прошибал рубак соленый пот.

Басовитый,
Грозный,
Колокол вечевой
В полдень лежал
В яме
На площади городской
Без ушей,
Без языка —
Немой.

Но до соболиных потемок
За быстряной Псковой
Не расходился
Посадский народ.

Когда на небе
Зари огонь,
Затопленный ночью,
Угас,
Повезли его
О двенадцать конь
Стольной Москве напоказ.

Проезжали деревни,
Поля,
Города,
Старорусскую непролазь.
Донимала пыль,
Допекали оводá,
Чавкала извечная грязь.

Под Валдаем
Стали распрягать:
Животина умаялась вконец
«Кто там? Не тати?..»
Глядь-поглядь:
Скачет
Московский гонец!

Подъехал.
На поклажу глаза скосил.

— Грамота людям

псковским:

«Повелел
Великий князь Руси
Колокол оный
Сломать в куски!»

Взялись за кувалды:
«Сломать — так сломать,
Благо, силы не занимать!..»

5. КУЗНЕЧНАЯ

Валяться бы бронзе
В пыли,
Таить бы
Звонкие звуки,
Когда бы не ковали,
Не их золотые руки.

Собрали заветный лом
Да в кузне взялись за дело —
И бронза под их молотком
Оживала,
Звенела,
Пела...

«Ворон не считайте, эй! —
Басил

Сиволапый дядя. —
Не мешкай, ребяташки,
Бей:
Работка не выгоды ради!
Работаем ради Руси,
Не ради полушек да гривен...
Простынет!
Живей подноси!» —
«А звон-то, и вправду, дивен!» —

«Ой, ладен, честная мать:
И ласков,
И грустен,
И грозен!..» —
«Какой там:
Не так опять!»
И — хватъ колокольчик оземь!

«Да что ты, чудак человек:
Ведь так задушевно звучал он!» —
«Не ровен час, ладим навек.
Давай
Нагревай сначала!..»

Валдайскую сонь
Беспокоя,
С тех пор
Колоколец гудит,
И слышится сердцу
Такое,
Что словом не скажешь, поди,
И ты замолчишь,
Обновленный,
На целую жизнь удивленный.

Зальется,
По-русски бескраен,
Душа переполнена вся:
Заходит,
Как в хату хозяин,
И кровь горячит
Не спрося.
В нем ласка,
Любовь
И тревога,
Дорога... дорога... дорога...

Бывалые были и сказки,
Припевки веселой Псковы,

Мечей
Забубенные ласки
И плач безутешной вдовы,
Тягучие вопли набата —
Великого старшего брата.

В прах — горы...
А хрупкое тельце
Века не смогли сокрушить.
Нетленна
Истлевших умельцев
Частица певуны-души!

У ВОРОНЬЕГО КАМНЯ

«Тут неглыбко:
Выбредаи на берег,
Моторист,
Побереги бензин. . .»
Как рогатые чудные звери,
Над туманом
Маковки ольшин.

Теплые такие завитушки
Облепили вешнюю лозу,
Будто бы пушистые зверюшки
Заробели ночевать внизу.

Одурманен
Брагою смолистой,
Я все пью,
А та хмельна, остра. . .
Явственно,

Как рыболов плечистый,
Давнее садится у костра.

Вижу крестоносцев
В тяжких латах,
Лапотные рати псковичей,
Братьев-новгородцев бородатых,
Гульбище
Разгневанных мечей! . .

И под шепот сосен на курганах,
Жаркими глазами закрустя,
Рулевой запел о партизанах,
Выдюживших
Семь веков спустя.

И не распознать,
Где явь, где небыль:
Как с далекой далью —
Близость-близь,
Как с водой зыбучей —
Крыша-небо,
Сказка-складка с песнею слились.

Хлюпает
С грустинкой задушевной
Смирная вечерняя волна.

По лугу русалочьей царевной
Косыньки рассыпала луна.

Бьют лещи,
В затоне кряквы крячут,
Над огнем
Мелькает козодой...
И сулит нам
На заре удачу
Теплый низовик береговой.

СОДЕРЖАНИЕ

УЗА ВПАДАЕТ В ШЕЛОНЬ

Веретенка	5
«Бывает так...»	7
На Ладого	9
Хорошо тишайшим полднем...	11
Июнь	12
Июль	15
Август	17
Омуты	18
«В сентябре чернолесье...»	20
Октябрь	22
«Прошлась деревней хромка...»	23
В родном краю	25
«Рыхлыми суметами...»	27
Вьюга	29
«Смешал весны хмельной размах...»	31
«Держит память...»	32
«Забреду в чашобу ежевики...»	34
«У села Слободки...»	36

Козырь	39
«Взошли рядком, заметь-ка...»	43
«Лунный ломтик тонкий...»	45
«Затиленькала синица...»	46
Пригорок	48
Два рассвета	51
Лето	55
День	57
Угомнилась гулкая округа...	58
«Обоймет, как зазноба...»	60
«Ну и сущь, ну и лето...»	61
Первая любовь	62
«Улеглись дневные страсти...»	64
Хор	66
«Дожигала осень...»	68
«Пресной стужей...»	69
«Облетевшие березники...»	71
Русские люди	73
«Что в тебе...»	75
«В селе петушья куролесица...»	78
«Мартовским морозцем обогрет...»	79
Уза	80

ИСТОКИ

«Как ты тяжело дышишь...»	85
Верность	87
«Ропщут сосенки...»	89
Переход	91

Перед боем	93
Брату	95
После боя	97
Трифон	99
Соколий мох	103
Красуха	107
Синица	111
Заря	114
Встреча	117
Бабушка	119
Сказ об «Искре»	124
«Берег, тихий и отлогий...»	127
Рождение	129
Березовый сок	131
Материнский хлеб	134
Пушкин в деревне	137
Витебско-Невельская гряда	141
Песни о вечевом колоколе	143
1. Набатная	145
2. Прощальная	147
3. Печальная	149
4. Разлучная	150
5. Кузнечная	152
6. Величальная	154
У Вороньего камня	154

*Григорьев
Игорь Николаевич*

ЗОРИ ДА ВЕРСТЫ

Редактор *И. К. Авраменко*
Художник *И. А. Михроняц*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *Л. П. Крючкина*
Корректор *П. Е. Суздальский*

Сдано в набор 25/VII 1961 г.
Подписано в печать 21/XI 1961 г.
М-74050 Бумага 60×92¹/₃₂.
Печ. л. 5 Уч.-изд. л. 3,79
Тираж 7500. Заказ 792. Цена 19 коп.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение.
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 12 УПП ЛСНХ
Ленинград, Литейный пр., 55